

ИСТОРИЯ

АМЕРИКА, АНГЛИЯ И БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В НАРРАТИВАХ АФРИКАНЦЕВ XVIII ВЕКА¹

© 2020 Г.В. Александров

АЛЕКСАНДРОВ Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Международный центр антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, e-mail: glaleksandrov@gmail.com

***Аннотация.** В XVIII веке в Англии были опубликованы несколько т.н. «невольничьих рассказов», автобиографий бывших рабов. Наиболее примечательная и лучше всего изученная книга такого рода – «Интересный рассказ...» Олауды Эквиано, одно из ключевых произведений ранней аболиционистской литературы. Отношение Эквиано и авторов других подобных произведений к институту рабства, их место в английском и американском обществе, роль самих текстов в развитии аболиционистского движения рассматривались в историографии неоднократно. Но специфика британского мира не ограничивалась существованием рабства, рабовладельческие колонии существовали в рамках обширной и разнообразной Британской империи. Данная статья посвящена тому, как авторы невольничьих рассказов Олауда Эквиано, Уквасав Гронниосав и Айюба Сулейман Диалло воспринимали и описывали Британскую империю в целом, ее институты, культуру, быт и отдельные составляющие ее регионы, в первую очередь, Америку и Вест-Индию.*

***Ключевые слова:** африканцы, атлантическая работорговля, Британская империя, XVIII век, имперская культура*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-51-65

Введение

Колониальная империя в понимании современной историографии – сложное, комплексное образование. Концепция империи допускает различные дополняющие друг друга прочтения, подчеркивающие те или иные ее аспекты, от политического развития до культуры повседневности. Империя в историческом контексте может и должна быть многоголосой, рассмотрение лишь одной (собственно «имперской», с позиции метрополии) перспективы не может дать сколько-нибудь полного представления о функционировании империи в целом как единой системы [1, с. 604, 608, 626]. Имперский опыт, кроме того, определяет развитие как бывших колоний, так и бывших метрополий. Это касается и системы экономических связей, и мировоззрения, политической и массовой

¹ Статья содержит исправленный и переработанный материал об О. Эквиано, частично опубликованный в сборнике трудов конференции «Взгляд чужеземца», изданном Институтом славяноведения РАН; Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00075 «"Черное наследие": историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США».

культуры [подробнее см. 2]. Современный мир – в огромной степени мир постколониальный, и структуры массового сознания, сформированные империями, сохраняются и сегодня. Более того, они постоянно воспроизводятся современным историческим мышлением – осмысление истории часто происходит через обращение к имперскому опыту, осуждение или оправдание характерных для империй Нового времени моделей развития и взаимодействия культур.

В данной статье рассматривается восприятие Британской империи XVIII века тремя «чужаками»-африканцами, так или иначе соприкоснувшимися с имперской культурой во всем ее многообразии. Обращение к их трудам позволит, на наш взгляд, решить две ключевые задачи. Во-первых, оно даст возможность полнее и разнообразнее раскрыть восприятие империи, посмотреть на нее с альтернативной точки зрения, радикально отличной от привычной перспективы доминирующей культуры. Во-вторых, рассматриваемые нарративы и фигуры их авторов стали элементом восприятия истории нашими современниками – речь идет в первую очередь о людях африканского происхождения, как в Африке, так и в США. Хотя мы не говорим напрямую об исторической памяти сегодня, нам кажется, что данная статья могла бы быть полезна и при ее изучении.

Источники

Истории людей, побывавших в рабстве (или просто в плену, как, например, в популярных в Америке рассказах о пленении индейцами), захватывающие и поучительные, были весьма популярным жанром развлекательной литературы в Европе Нового времени, но по большей части речь шла об историях европейцев, попавших в рабство к алжирским пиратам, туркам или другим восточным народам. Рассказов рабов-африканцев известно меньше, в XVIII веке – всего три, на рассмотрении которых мы и сосредоточимся.

Первый наш источник – автобиография Олауды Эквиано, бывшего раба и видного аболициониста [3]. Сам Эквиано был достаточно известным общественным деятелем, его автобиография приобрела широкую популярность и многократно переиздавалась еще при жизни автора, а также была переведена на несколько европейских языков, в том числе и русский [4]. Закономерно, что и в историографии сам Эквиано и его труд рассмотрены достаточно подробно.

Второй интересующий нас текст – «Жизнь и обращение в христианство Джеймса Альберта Укавсава Гронниосава, африканского принца» [5]. Не столь популярная, как труд Эквиано, она исследована гораздо меньше.

Последний использованный нами источник, к сожалению, не относится к жанру автобиографии – к сожалению, потому что именно рассказ Айюбы Сулеймана Диалло был бы, вероятно, наиболее для нас интересен. История Диалло, или Иова бен Соломона, как называли его европейцы, изложена «с его слов» в книге «Воспоминания о жизни Иова, сына Соломона, верховного жреца из Бунда, Африка» Томаса Блюетта [6]. Возвращение Диалло домой и его дальнейшая деятельность описаны в монументальном труде «Путешествия во внутренние части Африки» Френсиса Мура [7].

Биографии авторов объединяет ряд общих черт – все они родились и провели детство в Африке, следовательно, были до некоторой степени носителями мировоззрения, отличного от европейского. Все они были близко знакомы и с институтами рабства и работорговли в английских колониях, и с бытом метрополии, причем не только социальных низов, но и обеспеченных и образованных слоев общества. При этом их опыт все же весьма различен. В лице Эквиано мы имеем широко образованного автора, который выступает с вполне очевидной позиции критики колониального общества, а произведение его – в первую очередь целенаправленная и осознанная пропаганда аболиционизма. Нарратив Гронниосава, гораздо менее образованного, чем Эквиано, отличается

большей искренностью, идеологическая его направленность не так ярко выражена, зато гораздо больше внимания уделяется религиозным вопросам. Диалло же, в отличие от обоих предыдущих авторов, не пытался усвоить европейскую культуру и «вписаться» в европейское общество и остался абсолютно сторонним наблюдателем, носителем совершенно другой культуры.

Олауда Эквиано

Олауда Эквиано, известный современникам-европейцам под именем Густав Ваза, родился в 1745 г. на территории современной Нигерии. В возрасте около 11 лет он был похищен работорговцами и продан сперва в Вест-Индию, а позже в Америку. Купивший Эквиано офицер английского флота увез его с собой в Англию, где тот и провел несколько следующих лет. Во время пребывания в Англии Эквиано научился читать и писать, а также служил на нескольких английских военных кораблях во время Семилетней войны. Позже однако он снова попал в Вест-Индию. Выполняя поручения нового хозяина, будущий писатель не упускал случая заработать и в итоге скопил достаточно денег, чтобы в 1766 г. выкупить себя из рабства. Через несколько лет Эквиано вернулся в Англию, по которой отчаянно тосковал все прошедшие годы. Эквиано участвовал в одной из первых экспедиций в Арктику, был представителем английской короны в миссионерской компании в Западной Африке, а к середине 1780-х стал одним из ключевых участников группы «Сыны Африки» и видным деятелем аболиционистского движения. В 1787 г. Эквиано публикует автобиографию «Интересный Рассказ о жизни Олауды Эквиано, или Густава Вазы, Африканца», которая становится не только важнейшим произведением аболиционистской литературы, но и по меркам своего времени настоящим бестселлером.

Интерес исследователей к Эквиано не спадает на протяжении уже нескольких десятилетий. Как справедливо замечает Джанель Коллинс, «Внимание исследователей со всего мира, направленное на Эквиано, столь интенсивно и столь разнообразно, что "изучение Эквиано" вполне можно считать отдельной дисциплиной в составе изучения жанра "невольничьих рассказов"» [8]. Важнейшая проблема, интересующая большинство исследователей – соотношение африканского и европейского в индивидуальной идентичности Эквиано [9; 10; 11; 12]. С другой стороны, значительное внимание уделяется и его роли в становлении аболиционизма в Англии и Америке. Хотя к нашей теме это прямого отношения не имеет, сегодня сложно говорить об Эквиано, не упомянув хотя бы кратко дискуссию вокруг работ Винсента Карреты. Согласно выводам Карреты, Эквиано родился не в Африке, а в Каролине, и вся «африканская» часть его произведения – в лучшем случае реконструкция на основе рассказов других невольников [13]. Очевидно, что даже в таком случае положение Эквиано осталось бы уникальным для своего времени, а его влияние на аболиционизм не стало бы менее значительным – как ни парадоксально, но вопрос о том, где родился Эквиано, не так уж важен. Впрочем подавляющее большинство современных исследователей вслед за рядом ученых, изучавших его происхождение и раннюю биографию в предыдущие десятилетия [14], считают Эквиано все же «настоящим» африканцем. Биография и творчество Эквиано активно рассматриваются и в отечественной историографии [15; 16], в частности, в работах И.М. Удлер, вписывающей книгу Эквиано в общий ход развития жанра «невольничьих рассказов» и подчеркивающей место Эквиано в истории афроамериканского сообщества [17].

В идентичности Эквиано большинство исследователей выделяют две ключевые составляющие: африканскую и английскую. Эмили Филд настаивает, и вполне обоснованно, на необходимости учитывать также и американский ее компонент, и возможное влияние на Эквиано коренных американцев [18]. На наш взгляд, помимо этого нужно

учитывать и еще один элемент, имперский. Влияние имперского сознания на Эквиано проявляется, например, в явном разграничении «английского» и «британского». Как справедливо отмечает М. Мейер, в литературе, посвященной Эквиано, эти категории часто не различаются, хотя для современников различие существовало [11; 19, с. 24–61]. Например, шотландцы для Эквиано являются европейским аналогом незнакомых с достижениями цивилизации африканцев – образ, вполне вписывающийся в контекст Британской имперской идеологии [3, с. 79; 20]. К середине XVIII века идеологическая основа Британской империи уже вполне оформилась, и граждане ее – по крайней мере, белые граждане – осознавали себя таковыми [19]. Политическая и общественная жизнь эпохи Эквиано, контекст его работы во многом определялись именно империей. Если большинство вывозимых из Африки невольников существовали в относительно ограниченной среде, которую Пол Гилрой определил как «Черную Атлантику» [21], Эквиано определенно вышел за ее рамки, и ему ближе именно имперский контекст.

Ключевая особенность нарратива Эквиано – четкое разделение пространств Англии, Америки, Африки и Вест-Индии. Наиболее показательны описания Вест-Индии, указаний на ее связь с метрополией практически не встречается. Так же и Америка, которую Эквиано посетил задолго до войны за независимость, будто бы никак с Англией не связана. При этом отдельные пространства выстраиваются в ясную иерархию.

Вест-Индия стоит в самом низу этой иерархии. Это пространство беззакония, безжалостного и повсеместного угнетения чернокожих, дремучих предрассудков. Население Вест-Индии не вызывает у автора ни малейшей симпатии. Причем это касается почти в равной степени и белых, за исключением одного-двух положительных персонажей, и чернокожих, часто вороватых, грубых, бессовестных и т.п. [3, с. 122, 149]. Еще один важный аспект иерархии регионов – религиозный. Вест-Индия – пространство если не безбожное, то, по крайней мере, весьма далекое от христианских идеалов. Большинство белых ведут себя не по-христиански, а миссионерская деятельность практически не ведется. Более того, для Эквиано важно подчеркнуть, что подлинное обращение в христианство здесь невозможно. В условиях рабства всегда сохраняется противоречие между декларируемыми ценностями христианства и реальной практикой рабовладения, не позволяющее новообращенным по-настоящему понять основные принципы христианской религии.

Промежуточное место в иерархии занимает Америка, представленная по преимуществу хорошо знакомой Эквиано Филадельфией. Здесь также царят предрассудки и нетерпимость, но все же выраженные не столь сильно, как в Вест-Индии. В религиозном отношении Америка также превосходит Вест-Индию: здесь множество искренне верующих и исполняющих божественные заповеди добрых людей. Отчасти, вероятно, такая положительная оценка связана с тем, что Филадельфия в описываемый Эквиано период была своеобразной «столицей» квакеров, к которым автор испытывал глубокую симпатию (хозяин Эквиано, позволивший ему выкупить свободу, чуть ли не единственный «положительный» белый в Вест-Индии, был именно квакером).

И, наконец, на вершине иерархии стоит Англия. Эквиано постоянно пишет о своем стремлении сначала попасть, а потом вернуться в «старую добрую Англию» [3, с. 166, 194, 233]. Англию Эквиано отличают две важнейшие особенности. Во-первых, отсутствие предрассудков – несколько преувеличенное. Расовые предрассудки в Англии безусловно существовали и были широко распространены, причем во все слои общества. Как бы ни старался Эквиано показать англичан, особенно своих друзей и благодетелей, терпимыми и гуманными, его общение с влиятельными знакомыми, в том числе с религиозными деятелями, явно иерархично, лишь считанные единицы действительно воспринимают его как равного. Вероятно, и сам Эквиано это понимал.

Вторая важнейшая особенность Англии у Эквиано – религиозность. Описание знакомства с христианством и обращения – один из самых эмоциональных фрагментов в

книге [3, с. 279–290]. Хотя сочинение Эквиано не является однозначно религиозным, тема христианства, пусть редко выходящая на первый план, всегда сопровождается описаниями глубоких и сильных переживаний. Англия представляется как страна христианского благочестия по нескольким причинам.

Во-первых, именно здесь произошло обращение к религии самого Эквиано, человека, безусловно, глубоко религиозного. Он был крещен, ещё будучи рабом, и соблюдал некоторые формальные обряды [3, с. 86–87], но никогда не испытывал подлинного религиозного энтузиазма, не относился к христианскому учению с особой серьезностью. И только после освобождения и возвращения в Англию свободным человеком, смог понять и принять христианство в полной мере [3, с. 279–282].

Во-вторых, помимо отражения личного религиозного опыта, изображение Англии как духовного и религиозного центра, почти «земли обетованной», преследовало и вполне конкретные идеологические цели. Эквиано стремится показать, что высокий христианский долг обращения язычников, выходящего за рамки формального соблюдения обрядов, несовместим с институтом рабства [3, с. 279–282].

С христианством связан и один из немногих в «Интересном рассказе...» случаев прямой критики «благословенной страны». Эквиано прямо и довольно зло порицает чиновников и миссионеров, использующих благородный предлог обращения африканцев в христианство для получения личной выгоды. Причем возмущает его не столько жестокость по отношению к африканцам, сколько именно профанация христианской миссии [3, с. 345–348]. Этот эпизод – один из немногих в «Интересном рассказе...» (за исключением первых глав, посвященных детству Эквиано), где возникает еще одно пространство, Африка, но возникает настолько эпизодически, а сам Эквиано уделяет ему так мало внимания, что выделять его специально, кажется, не имеет смысла. Здесь же едва ли не единственный раз во всей автобиографии Эквиано сталкивается с функционированием империи. Организованная миссионерская деятельность была, безусловно, частью имперского проекта, и Эквиано подвергает ее жесткой критике. Но при этом все равно разделяет Англию с «коренными» англичанами и имперские владения, представляющие собой некую совершенно отдельную страну, населенную совершенно другим народом, «колониальными» англичанами.

Почему образ Англии оказывается у Эквиано безусловно положительным? С одной стороны, Эквиано приступил к работе над автобиографией, уже будучи активным аболиционистом, и книга задумывалась как осознанное политическое действие. Причем его «целевой аудиторией» были в первую очередь именно англичане. Стремление показать читателя в наилучшем свете вполне объяснимо – это способствовало бы и распространению идеи аболиционизма, и успеху книги². Примечателен способ формирования положительного образа Англии. Представление их родины как страны равноправия, лишённой предрассудков, возможно, льстило англичанам, но было бы, вероятно, воспринято в штыки на американском Юге, так что сам подход Эквиано свидетельствует о том, что некоторые основания для такого отношения к Англии у него были. Отличия в культуре метрополии и периферии, преувеличенные у Эквиано, определенно существовали.

Образ же империи у Эквиано строится через контраст составляющих ее частей. Империя у Эквиано – сплошное противоречие, ее ключевая особенность – различия между метрополией и колониями. Естественно, на некотором рациональном уровне Эквиано понимал политическое единство империи. Тем не менее, для большинства английских

² Эквиано отличался завидными деловыми качествами, и хотя борьба за отмену рабства была его главной целью, игнорировать возможность поправить свое материальное положение он тоже вряд ли стал бы. Так, собственно, и произошло – Эквиано не только владел небольшим домом в Лондоне, а еще и оставил в наследство дочери сумму пусть не астрономическую, но вполне достойную (950 фунтов). Подробнее об экономической деятельности Эквиано, ее роли в его биографии и мировоззрении см. [22]

авторов империя была, несомненно, единой [19, с. 8]. Англичанин оставался англичанином и в Африке, и в Вест-Индии, и в Канаде, и даже в Америке (хотя с последним были несогласны в описываемый период сами американцы). Эквиано же описывает разные регионы имперской периферии практически как разные страны, населенные разными народами. Показательно, что, говоря о колониях, англичанин чаще всего обозначает как «белых» и практически никогда как «англичан». Эквиано, возможно, был единственным из авторов своего времени, кто столкнулся с различиями в культуре повседневности и мировоззрении между колониями и метрополией достаточно близко, рассмотрел в деталях и акцентировал внимание именно на них в противоположность имперскому единству.

Укавсав Гронниосав

Укавсав Гронниосав, также известный как Джеймс Альберт, родился в 1705 году в Бунде (совр. Нигерия). Согласно автобиографии, он приходился родным сыном королю Зааре, но в возрасте 15 лет был похищен и продан в рабство. Купленного на Барбадосе, его привезли в Нью-Йорк, где вновь перепродали, на этот раз священнику-кальвинисту, который вплотную занялся его воспитанием и обращением в христианство. После смерти хозяина Гронниосав получил свободу и следующие несколько лет посвятил сбору средств на давно планируемый переезд в Англию, где он рассчитывал найти общество более благочестивое и богоугодное, чем в колониях. Деловой хватки Эквиано ему не хватало – ни работа, ни служба в английской армии и на флоте не принесли большого дохода, но в Англию Гронниосав все же переехал.

В новой для себя стране он практически сразу стал добычей мошенников и лишился большей части накопленных средств [5, с. 31–32]. В Лондоне вынужденный братья за любую предложенную работу Гронниосав продолжал расширять свой религиозный кругозор. Через несколько лет он женился, но ни его собственные усилия, ни профессия жены (ткачиха) не принесли семье благополучия – до конца жизни Гронниосав вместе с женой и детьми переезжал с места на место, спасаясь от голода зачастую исключительно благодаря пожертвованиям филантропов-кальвинистов, тронутых его глубокой приверженностью христианской вере. В 1772 г., за три года до смерти, Гронниосав начал работу над автобиографией, записывать которую ему помогала некая дама из Лемингстера (труд, которой оплачивался, скорее всего, теми же набожными покровителями). Это сочинение считается первой книгой, опубликованной чернокожим автором в Британии. Сразу после публикации автобиография приобрела определенную популярность, но сам Гронниосав оставался в бедственном положении, а книгу в глазах публики вскоре затмила значительно более популярная работа Эквиано.

У книг Эквиано и Гронниосава есть ряд общих черт, но немало и различий, объясняющих, в частности, большую популярность труда Эквиано. Ключевое различие – в целях их авторов. Автобиография Эквиано направлена главным образом на критику рабовладения; тема религии, пусть и важная, все же остается вторичной. Книга Гронниосава – в первую очередь сочинение религиозное, рассказ об обращении в христианство, личном религиозном опыте. Его труд ближе к поучительным рассказам, весьма популярным среди кальвинистов. Критика колониального режима и рабовладения в ней определенно присутствует, но по отношению к религиозным проблемам второстепенна. Неудивительно, что для аболиционистов труд Эквиано оказался важнее и полезнее.

Кроме того, Эквиано стремился сделать свой рассказ по возможности живым и увлекательным, справедливо рассчитывая, что книга не только идеологически выверенная, но и захватывающая, позволит добиться большей симпатии широкой общественности, чем просто сборник гневных обличений. Задачу сделать свое произведение увлека-

тельным Эквиано решил с блеском – «Интересный рассказ...» полон приключений, не лишен юмора и вообще читается как роман (каковым, в общем-то, и является).

Гронниосав ставил себе иную задачу – показать важность христианской веры, придавал ключевое значение не увлекательности, а, скорее, искренности описания религиозного опыта и поучительности. Прямое, часто намеренно безыскусное, эмоциональное повествование об обращении молодого язычника в кальвинизм прекрасно отвечало этим целям [5, с. 21–24]. В эту же концепцию вписывается и общий сюжет произведения. Испытания, посылаемые Господом, надлежит принимать со смирением, а вера поддержит даже в самые тяжелые времена – таков общий посыл «Истории жизни и обращения...». При несомненной значимости этих идей для христианской культуры, увлекательности повествования они не способствуют. Эквиано переживает многочисленные приключения, а Гронниосав – лишь череду испытаний, красочно описанных страданий и невзгод. Эквиано доказывает читателю, что чернокожий, вопреки популярным представлениям, может отличаться не меньшим умом, смекалкой и упорством, чем любой белый, и благодаря им может справиться с любыми превратностями судьбы. Гронниосав доказывает и показывает на своем собственном примере важность смирения и долготерпения. Закономерно, что для широкой публики история Эквиано оказалась занимательнее.

Несмотря на эти различия, в отношении интересующей нас репрезентации различных регионов Британской империи и их связей позиции обоих авторов поразительно схожи. Как и у Эквиано, Англия и Америка предстают у Гронниосава как совершенно разные, не связанные между собой пространства, а их население – как совершенно разные народы, не имеющие друг с другом ничего общего.

Авторы солидарны и в оценке этих пространств – у Гронниосава Англия также оказывается практически «землей обетованной» [5, с. 31]. Примечательно, что попав туда, оба переживают ряд злоключений. Эквиано продают в Вест-Индию, несмотря на его протесты [3, с. 115–117]. Гронниосав становится жертвой мошенников и поражается бездуховности англичан, которые, вопреки его ожиданиям, пьют, ругаются и вообще непрерывно грешат [5, с. 31–32]. И тем не менее, Англия в их представлениях остается землей свободы и гуманизма по сравнению с колониями, где царят жестокость и беззаконие.

Для обоих авторов Англия становится важнейшим духовным центром. Для Гронниосава главной «цитаделью» христианства оказывается Кидерминстер – родина Ричарда Бакстера, проповедника-кальвиниста XVII века, труды которого произвели на молодого африканца колоссальное впечатление, настолько глубокое, что еще в Вест-Индии Гронниосав мечтал попасть именно в Кидерминстер, все население которого в его представлении должно было состоять из праведников [5, с. 27].

Схожим образом Эквиано и Гронниосав описывают и миссионерство в колониях, попытки обращения рабов в христианство. Для англичан-миссионеров, обращенные рабы были свидетельством успеха их начинаний. Однако нарративы самих рабов позволяют понять, что для них обращение в колониях было формальным, имело мало общего с настоящим духовным опытом и не особенно влияло на формирование духовной культуры рабов в Америке. Христианство в том виде, в каком его предлагали миссионеры, оставалось религией хозяев, рабовладельцев. Эквиано критиковал английских чиновников и их (по крайней мере формально озабоченных именно религией) начальников, и разделял скепсис в отношении идеи обращения рабов [23, с. 416; 3, с. 141; 24, с. 169]. Учитывая богатую историю «черного» христианства в США, такая оценка может показаться не вполне оправданной, но она вполне могла отражать реальную ситуацию XVIII века.

Хотя Америке в обоих трудах уделено меньше внимания, чем Англии, необходимо отметить две важные особенности, общие для обоих авторов. Первая касается воспри-

ятия других рабов и вообще других чернокожих, отношения к складывающейся африканской диаспоре. Оба автора симпатизируют рабам, но, скорее в целом, как некоей абстрактной группе. На индивидуальном уровне ситуация обстоит иначе. Эквиано в принципе мало пишет о конкретных людях и, что интересно, всегда говорит о них именно как о «других рабах», «каких-то черных» и т.п., «мы» же у него – это именно африканцы, но никак не их потомки, живущие в Америке. Гронниосав постоянно жалуется на собратьев по несчастью, на их невежество и бездуховность, а также на бесчестное поведение по отношению к нему лично [5, с. 31, 34, 38].

Впрочем, для Гронниосава проблема расы вообще довольно сложна. Позиция его куда более расплывчата, чем у активного аболициониста Эквиано. Он упоминает о том, что в юности «был уверен, что все и вся ненавидит меня, потому что я черный». Сам дьявол в восприятии молодого Гронниосава предстает исключительно как «черный человек» [5, с. 15–16]. Можно предположить, что черным дьявол был на иллюстрациях, которые мог видеть Гронниосав – действительно, изображение дьявола с черной кожей было характерно для Средневековья и раннего Нового времени [25, с. 181–257]. Но те же иллюстрации мог видеть и Эквиано. Даже в детстве, в Африке, любимая сестра Гронниосава оказывается чудесным образом «белой и чистой», а мать «частично белой» (буквально – отдельные части ее тела отличаются белизной, в то время как другие остаются черными; при этом, естественно, речь не идет о ее европейском происхождении – цвет служит здесь чисто риторической категорией, не имеющей ничего общего с биологией) [5, с. 8–9].

Интернализированный расизм (в случае Гронниосава довольно очевидный) тому виной или другие факторы, но африканская «диаспора» в Америке описывается у авторов-африканцев весьма критически, как далекая от какого-либо чувства единства, от взаимопомощи, по крайней мере в отношении «новоприбывших», которых регулярно обманывают, обворовывают, подставляют – в общем, обходятся с ними без всякого сочувствия. Можно предположить, что различные социальные механизмы взаимопомощи и поддержки, специфичные для условий рабства, возникали сначала в среде потомственных рабов и не распространялись на «новоприбывших». Четкое разграничение афро-американцев (живущих в Америке несколько поколений) и иммигрантов из Африки, натянутые отношения между этими двумя группами, характерны для сегодняшнего американского общества [26]. Судя по нашим источникам, эта тенденция отнюдь не нова и не обязательно связана с притоком иммигрантов из Африки в последние десятилетия – в XVIII веке ситуация фундаментально не отличалась от нынешней.

Вторая особенность Америки (как собственно Северной Америки, так и Вест-Индии) – уже упоминавшееся отсутствие явных признаков империи. В описанный период американские владения в Британии ещё в значительной мере управлялись непосредственно из Лондона, королевскими чиновниками, отнюдь не всегда выходцами из колоний. Помимо того, между различными регионами существовали многочисленные связи, экономические и социальные. Колониальные регионы были привязаны к метрополии и через личные и родственные связи. Тем не менее, в рассказах африканцев внутриимперские связи практически не упоминаются.

Ко всему прочему, Гронниосав, пусть и недолго, был коком на приватирском судне, грабившем французские корабли – элемент не только колониальной, но и имперской политики [5, с. 27–30]. Эквиано также в ранней юности, еще до продажи в Вест-Индию, служил на английском корабле и участвовал в Семилетней войне. Колониальный театр военных действий в этом конфликте был, конечно, важен, но корабль, на котором служил Эквиано, участвовал в сражениях и в колониях (осада Луисбурга), и у берегов Европы (сражение при Лагосе).

Наиболее очевидный аспект имперского единства, «упущенный» авторами – единство социальное и культурное. Плантаторы Вест-Индии и даже значительная часть аме-

риканцев безусловно осознавали себя в первую очередь британцами. Но для авторов-африканцев есть очевидно различные категории: «белые» и «англичане». Разница между ними проявляется ярче всего в быту, в их отношении к чернокожим (и рабам, и свободным). Имперская культура эту разницу не осознавала или игнорировала. Но «снизу», с точки зрения раба, растущие культурные противоречия между метрополией и колониями виделись гораздо отчетливее. Именно рабство было ключевым отличием повседневной жизни Англии и колоний, а из отличий повседневных, из образа жизни, выростали и другие противоречия. Образ жизни англичан вне Англии, вопреки имперскому мифу, неизбежно менялся, и в основе таких изменений лежали прежде всего различия в организации производства (использование рабского труда) и социальной структуре (само наличие категории рабов и вообще «цветных», необходимость артикуляции отношения к ним, индивидуальной и коллективной). Эти отличия, прекрасно понятные рабам, оставались источником внутреннего напряжения для империи на всем протяжении ее существования. Интересно, что ранее, в XVII и даже в конце XVI века отличия между колонистами и англичанами осознавались гораздо яснее, а опасность их развития вызывала нешуточные опасения [27]. Но «зрелая» империя признавать их широту и значимость не могла и не желала.

Айюба Сулейман Диалло

Айюба Сулейман Диалло (Иов бен Соломон), к разочарованию будущих историков, не оставил потомкам автобиографии. До нас дошел лишь пересказ истории Диалло, записанный «с его слов». Несомненно, в нем присутствуют искажения, намеренные и случайные. Даже если рассказ и представляет собой предельно точную транскрипцию речи Диалло, общий план произведения определялся в первую очередь редактором-реписчиком вокруг сюжетов, способных заинтересовать его аудиторию. Гораздо больше внимания, чем у Эквиано и даже у Гронниосава, уделено Африке и ее обычаям, нравам, религии и т.д. Такая «этнографическая экзотика» была интересна современникам, но для нас оказывается менее информативна.

Однако оставить историю Диалло совсем без внимания было бы неразумно. Во-первых, даже в пересказе можно обнаружить какие-то следы мировосприятия автора. Во-вторых, в случае с Диалло у нас есть возможность, пусть в небольшой степени, но все же оценить влияние пережитого в Америке и в Англии опыта на дальнейшую жизнь Диалло после возвращения в Африку – что само по себе может пролить свет на его отношение к империи и ее представителям, в частности, в Африке.

Диалло родился в богатой аристократической семье. Его отец был, по выражению редактора автобиографии, «верховным жрецом». Применительно к исламу использование этого термина вызывает определенные сомнения, он в любом случае был советником правителя, облеченным немалой властью, и воспитателем наследника престола. Диалло рос вместе с принцем и получил соответствующее воспитание: помимо знания арабского и знакомства с классической арабской и не только литературой, оно включало, вероятно, и навыки управления [6, с. 11–14]. При этом у семьи Диалло были, конечно, и враги. Именно их усилиями он попал в рабство. Однако, в отличие от Гронниосава и Эквиано, это произошло с ним не в детском возрасте. Диалло было уже больше 20 лет, он был отцом семейства и состоятельным землевладельцем. По просьбе отца он отправился к приставшему к берегу в нескольких днях пути английскому кораблю, но во время путешествия был захвачен и продан в рабство на тот же самый корабль. Ему даже удалось уговорить английского капитана дать ему возможность выкупить себя, но гонцы, отправленные к отцу, не успели вернуться до отплытия корабля, и Диалло оказался на плантации в Мериленде [6, с. 16–18].

Работа на плантации была для Диалло в тягость даже больше, чем для других невольников, и вскоре, в 1731 г., он сбежал. Не зная ни слова по-английски, вскоре он оказался в тюрьме. Именно тогда о нем услышал Блюетт, будущий автор-редактор «Воспоминаний о жизни Иова, сына Соломона». При встрече с заключенным Блюетт и его товарищи сразу отметили необычные для раба манеры и вскоре не только выяснили, что их новый знакомец – мусульманин, но и нашли раба-переводчика, благодаря которому Диалло наконец-то смог объясняться с англичанами. Сам Диалло немедленно попытался отправить письмо отцу через того же капитана по фамилии Пайк, который вывез его из Африки, в чем Блюетт с товарищами согласился ему помочь. Но письмо не застало Пайка ни в Америке, ни позже в Англии. Неизвестно, чем бы закончилась история Диалло, если бы письмо, написанное по-арабски, не попало случайно на глаза Джеймсу Оглторпу, владевшему этим языком. Оглторп, прочитав письмо, немедленно отправил в Мэриленд сумму, достаточную для выкупа Диалло и доставки его в Англию, – к радости и Оглторпа, и самого Диалло, и его хозяина, который окончательно убедился, что к работе на плантации его новый невольник совершенно неспособен [6, с. 22–24].

В ожидании отправления в Англию Диалло жил в Аннаполисе, где ближе познакомился с Блюеттом и другими англичанами, которые восхищались его образованностью и манерами [6, с. 24].

На корабле, а затем и в Англии, Диалло вел вполне светский образ жизни: учил английский, читал, беседовал со спутниками на различные темы, в том числе богословские. Он получил по протекции Оглторпа жилье в Лондоне, где и провел следующие месяцы. В Англии он вращался в высшем обществе, был приглашен на аудиенцию с несколькими представителями королевской семьи, осыпан подарками, позировал для портрета (после долгих уговоров) и – на него самого, это, вероятно, произвело наиболее яркое впечатление – по приглашению герцога Монтегю сопровождал его при объезде деревенских владений, чтобы получше познакомиться с английскими методами ведения хозяйства [6, с. 28–32].

Показательно, насколько отличался опыт Диалло, пусть даже приукрашенный Блюеттом, от того, с чем столкнулись в Англии Эквиано и Гронниосав. При всей распространенности расовых предрассудков в XVIII веке, соображения классовой солидарности аристократии, по крайней мере в некоторых обстоятельствах, оказывались, видимо, важнее. Впрочем, и Диалло в первые недели пребывания в Англии опасался, что будет повторно продан в рабство, так что о полном доверии к англичанам даже с его стороны говорить не приходится. Страхи его несколько развеялись только после того, как его английские друзья под руководством Блюетта собрали средства для выплаты полной компенсации его нынешнему формальному владельцу (которым по ряду причин оказался некий г-н Хант) [6, с. 30].

Через несколько месяцев пребывания в Англии Диалло наконец вернулся на родину, к огромному удивлению соплеменников. Поскольку обычно похищенные работорговцами не возвращались, когда о судьбе его стало известно, его жен признали вдовами, и со временем одна из них снова вышла замуж. Впрочем, закончилась история благополучно – в связи с возвращением Диалло новый брак сочли недействительным, новый муж «предпочел скрыться», жену Диалло простил и, насколько нам известно, прожил в браке с ней до конца своих дней [7, с. 224].

На родине Диалло занял приличествующее ему положение в обществе, а также поддерживал торговые и личные контакты с англичанами, в частности, с Френсисом Муром. Именно с Муром Диалло отправился в небольшое путешествие, во время которого узнал о судьбе своих похитителей. Их «вождь», как называет его Мур, повесил украденный у Диалло пистолет на шнурок и носил на шее, причем заряженным, и погиб, ко-

гда оружие случайно выстрелило. Узнав об этом, Диалло немедленно и прилюдно вознес хвалу Аллаху за его безграничную справедливость [7, с. 206].

Хотя делать какие-либо выводы на основе доступных нам источников сложно, некоторые предположения все же можно высказать. Судя по всему, в восприятии Диалло Англия и Америка представлялись столь же различными, как и у других авторов. По крайней мере, попав в Англию, Диалло, очевидно, стремился любыми средствами избежать возможного возвращения в Америку и был безмерно благодарен своим английским друзьям, вмешательство которых позволило ему покинуть колонии.

С другой стороны, Диалло, в отличие от других авторов, явно продемонстрировал свое понимание структуры империи или, по крайней мере, её единства. Уже вернувшись в Африку, он поддерживал контакты не только со знакомыми в Англии (прощаясь с Муром перед его отбытием на родину, Диалло передал англичанину множество писем на имя герцога Монтегю, Оглторпа и других своих знакомых, пообещав писать и в будущем), но и с «местными» английскими чиновниками, а также использовал свои знакомства в Лондоне для налаживания торговых отношений с европейцами [7, с. 230]. Диалло активно и судя по всему успешно стремился занять место посредника между английской Королевской Африканской компанией (*Royal African Company*) и местными властями, о чем сам прямо говорил Муру [7, с. 230].

Показательно, что наилучшим образом из всех африканских нарративов империя представлена именно в биографии Диалло, менее других авторов «встроенного» в британское общество и наименее заинтересованного в его внутреннем развитии. Как ни парадоксально, чем глубже автор-иноплеменник был погружен в имперскую культуру, тем более очевидны и важны для него становились ее внутренние противоречия. Именно они определяли судьбу большинства африканцев в Британской империи, и привлекали, соответственно, их внимание. Для человека же постороннего, соприкоснувшегося с империей лишь поверхностно, важнее были механизмы управления империи, определяющие ее «внешние» взаимодействия (в трактовке редакторов Диалло и автора «Путешествия во внутренние области...» – с будущими подданными).

Еще одна деталь, объединяющая Диалло с обоими авторами, чьи истории мы рассмотрели – несколько пренебрежительное отношение к другим рабам. Впрочем, в случае Диалло речь идет, вероятно, не только о сложностях в отношениях новоприбывших африканцев и «американских» чернокожих, но и о его собственной аристократической высокомерности.

В том, что касается религии, Диалло определенно отличается от других авторов. Очевидно, что для мусульманина никаким духовным центром Англия быть не могла. Попытки некоторых англичан обратить его в христианство провалились, поскольку с христианской доктриной Диалло был знаком в достаточной мере, чтобы вести богословские споры с англиканами, и просто не признавал ее превосходства над исламом. Разделял ли Диалло идею о «неполноценности», искусственности христианства среди рабов, высказанную Эквиано, мы можем лишь предполагать. Учитывая его образованность, знакомство с различными религиозными течениями и наблюдательность – вероятно, да.

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что в имеющихся в нашем распоряжении нарративах рабов-африканцев XVIII века есть ряд значимых общих черт. Во-первых, Англия в них идеализируется и предстает своего рода «землей обетованной». Отчасти это связано с задачами, которые ставили перед собой авторы. Поскольку тексты Эквиано и Гронниосава были опубликованы в Англии и ориентированы преимущественно на английскую публику, желание показать англичан в выгодном свете вполне объяснимо.

С другой стороны, в четком разделении метрополии и колоний безусловно отразились и реальные различия культуры и быта, в первую очередь – отношения к рабам и чернокожим вообще, очевидные для авторов-африканцев, но часто незаметные для их современников-англичан. Англия воспринимается как важнейший духовный и религиозный центр, что также связано прежде всего с критикой общества колоний. Для авторов в колониях настоящее обращение в христианство и настоящий духовный рост невозможны в силу неполноценности, искусственности христианизации рабов. Даже для Диалло, насколько мы можем судить, Англия предпочтительней Америки, возвращения куда он так опасается.

Америка играет в рассмотренных нами нарративах гораздо менее значительную роль, в основном лишь контрастно подчеркивая достоинства Англии. Показательно, что африканская диаспора в Америке и сообщество рабов если не критикуются открыто, то, по крайней мере, рассматриваются без особой симпатии, а отношения авторов с другими рабами оказываются по меньшей мере непростыми. Здесь отражается, вероятно, уже возникшее разделение «коренных» африканцев и «афро-американцев», отношения между которыми были как минимум не менее натянутыми, чем сегодня, и вписаться в «американское» общество новоприбывшему было непросто.

Восприятие же единства британской империи, характерное для авторов этого периода, практически отсутствует – напротив, подчеркиваются культурные и мировоззренческие расхождения между метрополией и колониями, незамеченные или проигнорированные авторами европейского происхождения. Естественно, авторы (и «редактор-переписчик» Диалло) понимали, что империя представляет собой некое политическое целое. И тем не менее, с их точки зрения, это целое настолько исполнено противоречий, повседневность и мировоззрение различных его частей настолько отличаются, что целостность его кажется совершенно искусственной. Авторам-африканцам XVIII века современные рассуждения о единой имперской культуре вряд ли показались бы убедительными.

Обращение к источникам, авторы которых были «чужаками» для подавляющего большинства населения Британской империи позволяет взглянуть под новым углом зрения на проблемы развития, в первую очередь культурного и идеологического, британского мира в XVIII веке (и доказывает полезность «взгляда со стороны» для исторического исследования в целом). Именно «снизу», с точки зрения рабов (по крайней мере бывших рабов, осмысляющих свой предыдущий жизненный опыт), внутренние противоречия имперской культуры, которым еще предстояло сыграть свою роль в истории британского атлантического мира, оказываются видны яснее всего.

Источники

1. Price R. One Big Thing: Britain, Its Empire and Their Imperial Culture. *Journal of British Studies*. 2006, т. 45. № 3, с. 602–627. DOI: 10.1086/503593.
2. Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М. Новое Литературное Обозрение. 2013. 448 с. ISBN 978-5-4448-0090-4.
3. Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, Or Gustavus Vassa, The African*. London. 1794. 360 с.
4. Экиано О. *Жизнь Олаудаха Экиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная*. М., тип. Селивановского и товарища, 1794, ч. 1. 311 с.; ч. 2. 246 с.
5. *The Life and Conversion of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince. Giving an Account of the Religion, Customs, Manners etc. of the Natives of Zaara, in Africa, as Related by Himself*. Clonmel. Thomas Lord. 1786. 50 с.
6. Bluett T. *Some Memoirs of the Life of Job, the Son of Solomon, the High Priest of Boonda in Africa*. London. Richard Ford. 1734. 63 с.
7. Moore F. *Travels into the Inland Parts of Africa*. London. Edward Cave. 1738. 305 с.

8. Collins J. Passage to Slavery, Passage to Freedom: Olaudah Equiano and the Sea. *The Midwest Quarterly*. 2006, т. 47, № 3, с. 209–223.
9. Boulukos G. Olaudah Equiano and the Eighteenth-Century Debate on Africa. *Eighteenth-Century Studies*. 2007, т. 40, № 2, с. 241–255. DOI: 10.1353/ecs.2007.0002
10. Kelleter F. Ethnic Self-Dramatization and Technologies of Travel in The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself (1789). *Early American Literature*. 2004, т. 39, № 1, с. 67–84. DOI: 10.1353/eal.2004.0012
11. Meyer M. Black Versions of Englishness: Daniel Defoe, Olaudah Equiano, and Mary Prince. *Proceedings of the conference of the German Association of University Teachers of English*, т. 23. Tübingen. Niemeyer. 2002, с. 317–328.
12. Bozeman T. Interstices, Hybridity, and Identity: Olaudah Equiano and the Discourse of the African Slave Trade. *Studies in the Literary Imagination*. 2003, т. 36, № 2, с. 61–70.
13. Carreta V. *Equiano, the African: Biography of a Self-Made Man*. Athens, Georgia. University of Georgia Press. 2005. 464 с. ISBN 978-0820325712.
14. Acholonu C. The Home of Olaudah Equiano – A Linguistic and Anthropological Search. *The Journal of Commonwealth Literature*. 1987, т. 22, № 1, с. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/002198948702200102>
15. Блинова Е.В. Автобиография О. Эквиано как исторический источник. *Источниковедение истории Африки и Диаспоры: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции с международным участием*. Ярославль. Ярославский государственный университет П.Г. Демидова. 2016, с. 7–18.
16. Удлер И.М. Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, Африканца, Написанное им самим, как вершина жанра «невольничьего повествования» в афроамериканской прозе XVIII века. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008, № 3, с. 128–136.
17. Удлер И.М. Традиционные Американские Ценности в «повествованиях» и публицистике бывших рабов. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика. 2005, № 11 (51), с. 94–97.
18. Field E. “Excepting Himself”: Olaudah Equiano, Native Americans, and the Civilizing Mission. *MELUS*. 2009, т. 34, № 4, с.15–38. DOI: <https://doi.org/10.1353/mel.0.0055>.
19. Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge, New York. Cambridge University Press. 2000. 259 с. ISBN 978-0521789783.
20. Calloway C.G. *White People, Indians and Highlanders: Tribal Peoples and Colonial Encounters in Scotland and America*. Oxford, New York. Oxford University Press. 2008. 384 с. ISBN 9780195340129.
21. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. London. Verso. 1993. 274 с. ISBN 978-0860916758.
22. Hinds E.J.W. The Spirit of Trade: Olaudah Equiano's Conversion, Legalism and the Merchant's Life. *African American Review*. 1998, т. 32, № 4, с. 635–647. DOI: 10.2307/2901242.
23. Elrod E.R. Moses and the Egyptian: Religious Authority in Olaudah Equiano's Interesting Narrative. *African American Review*. 2001, т. 35, № 3, с. 409–425. DOI: 10.2307/2903311.
24. Smith M.-A. From Tribal Spirituality to Christianity: Olaudah Equiano's Afro English View of Christians in Eighteenth-Century Western Culture. *Journal of Ultimate Reality and Meaning*. 2001, т. 24, № 3, September 2001, с. 163–180. DOI: <https://doi.org/10.3138/uram.24.3.163>
25. Heng G. *The Invention of Race in the European Middle Ages*. New York. Cambridge University Press. 2018. 504 с. ISBN 978-1-1084-2278-9.
26. Бондаренко Д.М. *Оттенки Черного*. М., Издательский дом «ЯСК». 2016. 232 с. ISBN 978-5-94457-248-7.
27. Bach R.A. *Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580-1640*. New York. Palgrave Macmillan. 2000. 290 с. ISBN 978-0-312-23099-9.

AMERICA, ENGLAND AND THE BRITISH EMPIRE IN THE 18th CENTURY AFRICAN SLAVE NARRATIVES

© 2020 Gleb Aleksandrov

ALEKSANDROV Gleb V., PhD (History), Senior Research Fellow, International Center of Anthropology, National Research University «Higher School of Economics», Russian Federation, 101000, Moscow, Myasnikskaya, 20, e-mail: glaleksandrov@gmail.com

Abstract. *In the 18th century England several slave narratives were published and became quite popular. The best known – and the best researched – among them was Olaudah Equiano's "The Interesting Narrative...", one of the key works of the early abolitionist movement. Equiano's (and other former slaves') critique of slavery and their place in contemporary society is examined extensively in existing studies. But the British world was not limited to the colonies where the entire economic order was based on slave labour. These colonies existed in a wider context of the British Empire, with its own internal diversity of culture and everyday life. This article examines the way in which the slave narratives' authors – Olaudah Equiano, Ukawsaw Gronniosaw and Ayuba Suleiman Diallo – perceived and described the Empire, its institutions, its cultural practices and the relations between its constituent parts, particularly between England and colonial America and West India.*

Keywords: *Africans, Trans-Atlantic slave trade, 18th century, the British Empire, imperial culture*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-51-65

References

- Acholonu C. The Home of Olaudah Equiano – A Linguistic and Anthropological Search. *The Journal of Commonwealth Literature*. 1987. Vol. 22. No. 1, pp. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.1177/002198948702200102>.
- Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge, New York. Cambridge University Press. 2000. 259 p. ISBN 978-0521789783.
- Bach R.A. *Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640*. New York. Palgrave Macmillan. 2000. 290 p. ISBN 978-0-312-23099-9.
- Blinova E.V. Avtobiografiya O. Ekviano kak istoricheskij istochnik (Autobiography of O. Equiano as a primary source). *Istochnikovedenie istorii Afriki i Diaspory: sbornik materialov po itogam Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Jaroslavl. Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet P.G. Demidova. 2016, p. 7–18.
- Bluett T. *Some Memoirs of the Life of Job, the Son of Solomon, the High Priest of Boonda in Africa*. London. Richard Ford. 1734. 63 p.
- Bondarenko D.M. *Ottenki Chernogo (The Shades of Black)*. M. Izdatelskij dom «JASK». 2016. 232 p. ISBN 978-5-94457-248-7.
- Boulukos G. Olaudah Equiano and the Eighteenth-Century Debate on Africa. *Eighteenth-Century Studies*. 2007. Vol. 40. No. 2, pp. 241–255. DOI: 10.1353/ecs.2007.0002.
- Bozeman T. Interstices, Hybridity, and Identity: Olaudah Equiano and the Discourse of the African Slave Trade. *Studies in the Literary Imagination*. 2003. Vol. 36. No. 2, pp. 61–70.
- Calloway C.G. *White People, Indians and Highlanders: Tribal Peoples and Colonial Encounters in Scotland and America*. Oxford, New York. Oxford University Press. 2008. 384 p. ISBN 9780195340129. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195340129.001.0001.
- Carreta V. *Equiano, the African: Biography of a Self-Made Man*. Athens, Georgia. University of Georgia Press. 2005. 464 p. ISBN 978-0820325712.
- Collins J. Passage to Slavery, Passage to Freedom: Olaudah Equiano and the Sea. *The Midwest Quarterly*. 2006. Vol. 47. No.3, pp. 209–223.

Ekiano O. *Zhizn Olaudaha Ekiano, ili Gustava Vazy Afrikanskogo, rodivshegosja v 1745 godu, im samim napisannaja (The Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, Born in The Year of 1745, Written By Himself)*. M. Tip. Selivanovskogo i tovarishha, 1794, ch. 1. 311 p., ch. 2. 246 p.

Elrod E.R. Moses and the Egyptian: Religious Authority in Olaudah Equiano's Interesting Narrative. *African American Review*. 2001. Vol.35, No. 3, pp. 409–425. DOI: 10.2307/2903311.

Etkind A. *Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii (Internal Colonization: Russia's Imperial Experience)*. M. Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2013. 448 p. ISBN 978-5-4448-0090-4.

Equiano O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, Or Gustavus Vassa, The African*. London. 1794. 360 p.

Field E. “Excepting Himself”: Olaudah Equiano, Native Americans, and the Civilizing Mission. *MELUS*. 2009. Vol. 34. No. 4, pp.15-38. DOI: <https://doi.org/10.1353/mel.0.0055>

Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. London. Verso. 1993. 274 p. ISBN 978-0860916758.

Heng G. *The Invention of Race in the European Middle Ages*. New York. Cambridge University Press. 2018. 504 p. ISBN 9781108422789.

Hinds E.J.W. The Spirit of Trade: Olaudah Equiano's Conversion, Legalism and the Merchant's Life. *African American Review*. 1998. Vol. 32. No. 4, pp. 635-647. DOI: 10.2307/2901242.

Kelleter F. Ethnic Self-Dramatization and Technologies of Travel in The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself (1789). *Early American Literature*. 2004. Vol. 39. No. 1, pp. 67-84. DOI: 10.1353/eal.2004.0012.

Meyer M. Black Versions of Englishness: Daniel Defoe, Olaudah Equiano, and Mary Prince. *Proceedings of the conference of the German Association of University Teachers of English*. Vol. 23. Tübingen: Niemeyer. 2002, pp. 317-328.

Moore F. *Travels into the Inland Parts of Africa*. London. Edward Cave. 1738. 305 p.

Price R. One Big Thing: Britain, Its Empire and Their Imperial Culture. *Journal of British Studies*. 2006. Vol. 45. No. 3, pp. 602–627. DOI: 10.1086/503593.

Smith M.-A. From Tribal Spirituality to Christianity: Olaudah Equiano's Afro English View of Christians in Eighteenth-Century Western Culture. *Journal of Ultimate Reality and Meaning*. 2001. Vol. 24. No. 3, September 2001, pp. 163–180. DOI: <https://doi.org/10.3138/uram.24.3.163>.

The life and Conversion of James Albert Ukawsaw Gronniosaw, an African Prince. Giving an Account of the Religion, Customs, Manners etc. of the Natives of Zaara, in Africa, as Related by Himself. Clonmel. Thomas Lord. 1786. 50 p.

Udler I.M. Tradicionnye Amerikanskije Cennosti v “povestvovanijah” i publicistike byvshih rabov (Traditional American Values in The “Narratives” And The Publicism of The Former Slaves). *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2005. No. 11(51), pp. 94–97.

Udler I.M. Uvlekatelnoe povestvovanie o zhizni Olauda Ekviano, ili Gustava Vazy, Afrikanca, Napisannoe im samim, kak vershina zhanra “nevolnichego povestvovanija” v afro-amerikanskoj proze XVIII veka (The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself as The Pinnacle of The “Slave Narrative” Genre in The African-American Prose of The XVIIIth Century). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 3, pp. 128–136.